

Марина Федагина

***Некого
ждать***

Анна

Марина Федагина

Некого ждать

«Автор»

2026

Федагина М. А.

Некого ждать / М. А. Федагина — «Автор», 2026 — (Анна)

Она пришла в храм с отрицательным тестом. Ушла — с серебряным Крестом внутри. Между ними — трещина в стене, письмо и мужчина в чёрной ризе, который знал её боль лучше, чем она сама. «Ждать некого» — не история любви к священнику. Это история о том, как иногда Бог приходит к нам через чужие глаза. Первая книга трилогии „Анна“

© Федагина М. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Одна полоска.	5
Глава 2. Монастырь	7
Глава 3. Выдох	10
Глава 4. Между	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Некого ждать

Глава 1. Одна полоска.

Анна сжимала в ладони белый пластик, и весь мир будто съёживался до размеров этой проклятой линии — тонкой, розовой, окончательной. Тридцать пять лет. Три года, уместившиеся в череду одинаковых дней, где каждый начинался с надежды и заканчивался разочарованием. Три года уколов, анализов, ночей, когда под подушкой лежал не роман, а календарь овуляции, испещрённый пометками. И каждый раз — одна полоска.

Максим сидел напротив, привычно листая «Ведомости», и время от времени отхлёбывал кофе из любимой чашки с чуть сколотым краем, которую он почему-то не хотел менять. Для него это была не просто чашка, а деталь устоявшегося порядка, где всё шло по плану: работа, дом, телевизор.

— Ну что? — спросил он, не отрываясь от статьи, будто заранее знал ответ.

Анна молча бросила тест на стол. Пластик подпрыгнул, звонко стукнулся о краешек сахарницы. Максим поднял глаза, скользнул взглядом по тесту, задержался на нём ровно на секунду и снова вернулся к газете.

— Опять так. Ну, бывает, — спокойно произнёс он. — Врач же говорил, что процесс долгий.

«Процесс», — подумала Анна, и слово обожгло, как угли костра. Процесс. Как ремонт в квартире, который затягивается на месяцы. Как оформление прописки, где нужно собрать сто бумажек и обойти десять кабинетов. Не жизнь. Не боль. Не та пустота внутри, которая с каждым месяцем становилась не то чтобы больше, а глубже, словно в груди разрасталась чёрная дыра, поглощающая любые чувства.

Она всегда представляла, что всё будет иначе. В девятнадцать лет, сидя на подоконнике в старой квартире с видом на парк, она держала в руках любовный роман и верила: однажды придёт мужчина — не обязательно красивый, не с обложки журнала, а крепкий и надёжный, способный выдержать любую бурю. Он возьмёт её руку и тихо скажет: «Я справлюсь». И тогда она наконец сможет опустить плечи, которые с детства тянули на себе всё: мамину усталость, отцовское молчание, собственные страхи, слишком тяжёлые для юной девушки.

Но Максим не был тем мужчиной. Он был хорошим мужем — верным, надёжным, тем, кто всегда приносил зарплату вовремя и не пил. Когда она плакала после очередного визита к гинекологу, он говорил: «Не накручивай себя». Когда просила просто обнять и посидеть в тишине, чтобы не ощущать эту пустоту внутри, он включал телевизор. Он не брал её проблемы на свои плечи. Он их не замечал, словно они были прозрачными, невидимыми, несуществующими.

— Завтра к Семёновне, — сказал он, складывая газету с таким видом, будто обсуждал поход в магазин за хлебом. — Мне посоветовали на работе. Я уже договорился.

— К какой Семёновне? — голос Анны прозвучал глухо, будто доносился откуда-то изда-лека.

— К знахарке. На Васильевском. Говорят, помогает, когда медицина бессильна.

Анна фыркнула, и посмотрела на него с недоверием.

— Ты веришь в знахарок?

— Не верю. Но попробовать можно. Чего терять?

«Всё», — хотела сказать она. Терять есть что: достоинство, последнюю надежду, саму себя. Но промолчала. Потому что знала: спорить бесполезно. Максим уже принял решение, не посоветовавшись и не спросив её. Это была его форма заботы: не слушать, не чувствовать, а

действовать. И каждый раз эта глухая, слепая решимость разъедала её изнутри, капля за каплей растворяя остатки веры в то, что её боль кому-то по-настоящему важна.

Семёновна оказалась пожилой женщиной с грубыми, натруженными руками, пахнущими травами и землёй. В её маленькой комнате висели пучки сушёной мяты, полыни и зверобоя. На полках дубового шкафа стояли старинные иконы и книги. Она пощупала пульс Анны, долго смотрела куда-то сквозь неё, словно считывала не частоту ударов сердца, а историю всей её жизни, и наконец покачала головой, вынеся свой вердикт:

— Матка помнит, но не принимает. Надо душу лечить, а не тело.

Анна онемела. «Матка помнит». Да, помнит. Помнит тот тихий выкидыш два года назад — без криков, без боли, почти без крови, словно ребёнок сам решил, что здесь ему не место, и тихо ушёл, не попрощавшись. Помнит пятна на белом белье и собственное странное, пугающее спокойствие: «Ну вот. Так и должно было быть». Как будто она заранее смирилась с тем, что счастье не для неё.

— Куда ехать душу лечить? — спросил Максим деловито, уже доставая блокнот, чтобы записать адрес.

Старуха посмотрела на Анну долгим, пронзительным взглядом — будто видела не женщину тридцати пяти лет с зелёными глазами и тёмными волосами до плеч, а маленькую девочку, которая всю жизнь сидела на подоконнике и ждала, что кто-то придёт и скажет: «Я справлюсь. Теперь ты можешь не бояться».

— В Новодевичий, — сказала она. — К сёстрам. Там тишина. А это лучшее лекарство для раны, которую не видно.

Максим кивнул, записал адрес, аккуратно сложил блокнот. Анна молчала. Она никогда бы сама не пошла в монастырь. Не из неприязни к вере, не из гордыни, а просто потому, что не верила, что стены, пусть даже древние и святые, способны спасти то, что давно разбилось внутри.

Такси ехало тихо, только изредка шуршали шины по мокрому асфальту да бормотал что-то водитель, будто пытался заполнить эту неловкую тишину. За окном мелькали яркая реклама «Билайна», редкие «Мерседесы» новых русских, сверкающие в свете фонарей. Анна смотрела на город, который строился заново, а она ... Она разваливалась.

Ворота монастыря были простыми, почти неприметными. За ними царил тишина — густая, плотная, осязаемая, в ней можно было утонуть, как в тёмном озере. Максим остался у входа: «Подожду». Анна сделала шаг. Потом ещё один. И вошла в эту тишину.

Хрупкая зеленоглазая женщина весом в пятьдесят килограммов и с бурей внутри, готовой в любой момент вырваться наружу. Она не знала тогда, что этот шаг станет первым в пути, который изменит всё. Что за стенами обители её ждёт не утешение, а вызов. Не покой, а война — с собой, с прошлым, с мечтой о том, кто так и не придёт.

Но это будет потом.

А сейчас вокруг была только тишина. И одна розовая полоска, которая осталась лежать в мусорном ведре на кухне, среди смятых салфеток и пустых упаковок от лекарств, словно ненужный, забытый символ несбывшегося.

Глава 2. Монастырь

Она вышла из монастыря так же тихо, как вошла. Будто боялась спугнуть даже собственную тень. Ни скрипа двери, ни звяканья цепочки, ни случайного вздоха. Просто шагнула за ворота и всё: будто её и не было внутри.

Максим ждал у калитки с облупившейся краской. Он стоял, чуть ссутулившись, и смотрел в сторону Новодевичьего пруда. Анна вышла с опущенными глазами, сжавшись, будто пыталась стать меньше, незаметнее. Не сказала ни слова. А он не спросил. Просто вызвал такси, и они поехали домой.

За окном мелькали московские пятиэтажки, реклама «Мегафона», люди с пакетами из «Пятёрочки». Город жил своей жизнью — торопливой, будничной, равнодушной. Кто-то спешил, кто-то злился, кто-то улыбался. Анна смотрела сквозь стекло, не видя ни лиц, ни вывесок, ни светофоров. Только мелькание, только ритм чужих жизней, который не совпадал с её собственным.

Дома она разделась, легла в кровать и почти не вставала три дня. На четвёртый день Максим принёс ей кружку чая с мятой. Поставил на тумбочку, сел на край кровати, хотел что-то сказать, но передумал. Анна видела его взгляд: в нём было столько осторожного, хрупкого «я здесь», что ей стало больно. От того, что слов не было. И от того, что она не могла ему ничего дать в ответ.

Потом была неделя молчания. Не демонстративного, не обиженного, а настоящего, глубокого. Максим ходил по квартире тихо, будто боялся потревожить тишину. Иногда ловил её взгляд и задерживал его на секунду, как будто хотел запомнить. Но Анна уходила в себя, туда, где не нужно было ничего объяснять.

Зима 2000-го вцепилась в неё холодными пальцами и не отпускала. Декабрь, январь, февраль — серые дни, похожие друг на друга. Она ходила на работу, варила обеды, улыбалась Максиму. Каждое движение было отрепетировано: надеть пальто, спуститься по лестнице, открыть дверь, улыбнуться. Улыбка не касалась глаз. Она знала это. И знала, что Максим тоже это знает. Но он не отводил взгляда. Он продолжал смотреть на неё так, будто верил, что однажды улыбка станет настоящей.

К марту она перестала ставить тесты. Потому что не было сил надеяться. Надежда требовала энергии, а у Анны её не осталось. Каждый тест был как маленькая дверь, за которой она ожидала увидеть свет. А там была темнота. И однажды она поняла: если откроет ещё одну такую дверь, то просто не выдержит этого.

В апреле пришло письмо от тёти Лиды из Зеленодольска. Она писала аккуратным почерком, который Анна помнила с детства: «Приезжай, отдохни. Смени обстановку. Здесь воздух другой. В этом году весна ранняя. Уже почки лопаются, трава проклевывается». Анна не хотела ехать. Мысль о дороге, о разговорах, о необходимости быть хоть немного «нормальной» пугала. Но Максим настоял: «Поезжай. Просто отдохни». И она поехала.

Дорога была длинной. Когда автобус, наконец, свернул с трассы, мир вдруг стал другим: не серым и плоским, а объёмным и живым. В воздухе пахло сыростью, а на просёлочных дорогах лежала вязкая грязь — шины хлюпали, оставляя глубокие следы, которые тут же заполнялись водой. Весна здесь была шумной, настойчивой, настоящей...

Тётя Лида жила в маленьком домике у Камы — старом, но крепком, с резными наличниками и скрипучими половицами. У неё были руки в мозолях, глаза, которые всё видят, и голос, в котором не было ни жалости, ни суеты.

— Ты похудела, — сказала она, обнимая Анну на пороге. От неё пахло хлебом, травами и чем-то ещё, что Анна не могла назвать, но сразу вспомнила из детства: запах дома, где тебя ждут.

Анна промолчала. Слова застряли в горле, тяжёлые и колючие. Тётя Лида не стала спрашивать. Просто повела её в дом, усадила на диван, налила чаю с мёдом и сказала: «Посиди. Согрейся».

На третий день, когда они пили чай на веранде, а над рекой стелился розовый закат, Анна вдруг рассказала всё. Не сразу, не потоком, а по кусочкам, как будто боялась, что если выложит всё разом, то не выдержит.

Тётя Лида слушала молча. Не перебивала, не качала головой, не говорила «всё будет хорошо». Просто слушала, время от времени подливая чай, и смотрела на Анну так, будто видела не только её лицо, а всю ту тяжесть, которую она тащила за собой. Когда слова закончились, тётя Лида встала, достала из шкафчика иконку в потрёпанном окладе — Богоматерь с ликом, почти стёртым от времени.

— Завтра поедem в Раифу, — сказала она просто. — Там озеро святое. И вода лечит. — Я не верю в это, — возразила Анна, чувствуя, как в груди поднимается привычное сопротивление. Ей не хотелось снова искать ответы там, где их не было. — Не надо верить, — спокойно ответила тётя Лида. — Просто посмотри. Иногда достаточно просто постоять у воды.

Раифский монастырь встретил её тишиной и запахом леса: сосны, берёзы, влажной земли, который проникал в лёгкие. Он стоял на берегу озера — белокаменный, скромный, сверкающий на солнце. Людей было немного: паломники в тёплых куртках, монахи в чёрных рясах, шагающие по тропинкам с опущенными глазами. Всё здесь двигалось медленнее, тише, будто само время остановилось.

Анна шла за тётей Лидой, держа дистанцию. Ей казалось, что если подойти ближе, то эта тишина накроет её с головой и она не сможет дышать. Внутри храма было прохладно, пахло ладаном и старым деревом. Она не крестилась. Просто стояла у стены, наблюдая, как другие люди находят здесь что-то своё: кто-то плакал, кто-то шептал, кто-то просто стоял, закрыв глаза. Анна чувствовала себя туристкой. Чужой. Ей хотелось уйти, но ноги будто приросли к полу.

Они обошли храм, поставили свечи — тётя Лида за здоровье, Анна — просто так, чтобы не выделяться. Они уже собирались уходить, когда из алтаря вышла процессия.

Священник нёс Крест. За ним шли люди с зажжёнными свечами, и пламя дрожало в полумраке, отбрасывая неровные тени на стены. Пели «Христос Воскресе» — тихо, почти шёпотом, но голоса сливались в плотную волну звука, которая обволакивала, проникала под кожу, заставляла сердце биться чуть быстрее. Анна хотела отойти к выходу, спрятаться в тени, снова стать невидимой. И в этот момент батюшка поднял кропило.

Вода блеснула в солнечном луче, проникшем через окна. Несколько холодных капель упали ей на лоб. И тогда что-то рвануло. В самой груди — там, где три года жила пустота. Что-то вырвалось с болью и потянулось вперёд, за Крестом.

Она не видела людей. Не слышала пения. Видела только Крест — чёрный, деревянный, неумолимый. И ноги понесли её за ним. Шаг. Ещё шаг. Мир сузился до этой точки впереди, до этой линии, по которой она шла, не думая, не решая, просто двигаясь туда, куда тянуло.

Когда они вышли за ограду монастыря, Анна отстала на полметра. И в груди вспыхнула острая боль, будто невидимая нить, привязанная к сердцу, натянулась до предела. Она всхлипнула, бросилась вперёд, боль отпустила.

Так она прошла весь Крестный ход. По тропинке между сосен, к берегу озера. Солнце пригревало затылок, ветер шевелил волосы, люди пели. Кто-то плакал. Кто-то улыбался. Анна молчала. Шла. Держала дистанцию — ни ближе, ни дальше метра от Креста. Она не думала

о тестах. Не ждала, что кто-то придёт и заберёт её боль. Боль сама вышла из неё. И повела за собой.

Когда шествие вернулось к храму, она остановилась у каменной ограды, задыхаясь. Грудь ходила ходуном, слёзы текли по щекам, но она не вытирала их. Просто стояла, чувствуя, как внутри что-то меняется, сдвигается, освобождается. Тётя Лида нашла её через десять минут — с закрытыми глазами, с мокрыми щеками, с лицом, на котором не было ни горя, ни радости. Было опустошение. Такое глубокое, что оно уже не пугало.

— День Отдания Пасхи, — сказала тётя Лида тихо, касаясь её плеча. — День, когда праздник отдают небу. Анна кивнула. Не поняла. Но запомнила.

Этот день она запомнила на всю жизнь. Не как день веры — она так и не стала в тот день верующей. Не как день чуда — в чудеса она больше не верила. А как день, когда что-то внутри неё, годами спрессованное в комок, вдруг вырвалось наружу и показало: ты ждала не того. Ты ждала, что кто-то возьмёт твою боль. А боль нужно не отдавать, её нужно пройти. Самой.

В машине по дороге домой она молчала. Смотрела в окно на мелькающие сосны, на озеро вдали, на небо — чистое, без туч. И думала не «зачем я здесь», а «что дальше». Это был не радостный вопрос, не полный надежд. Просто вопрос. Спокойный. Тяжёлый. Но в нём уже не было отчаяния. В нём было начало.

Глава 3. Выдох

Петербург встретил её дождём.

Серым, мелким, таким, что различить его с туманом было невозможно. Анна вышла из аэропорта Пулково, втянула в лёгкие влажный воздух – и поняла: что-то изменилось. Не в городе. В ней. Как будто в груди, там, где три года жила пустота, теперь лежал не камень, а что-то живое. Тёплое. Не радость – нет. Но и не боль.

Дни потекли привычно. Утром лаборатория – метро – вечером подработка в аптеке (временно, пока не нашла что-то постоянное) – ужин с Максимом перед телевизором. Но по утрам она стала задерживаться у окна дольше обычного. Смотреть на Неву. И думать ни о чём.

На работе – в тесной аптеке – коллега Лена, пожилая фармацевт с добрыми глазами и крепкими руками, как-то спросила:

– Ты в храм ходишь?

Анна пожала плечами.

– Была разок. В Москве. Не моё.

Лена помолчала, перекладывая упаковки.

– А исповедь пробовала? Причастие?

– Нет.

– Это не про веру, – сказала Лена неожиданно тихо. – Это про то, чтобы выдохнуть. Всё, что внутри держишь – выдохнуть кому-то, кто не осудит. А потом... принять. Не прощение – а тишину.

Анна не ответила. Но слова зацепились. *Выдохнуть*. Да. Она три года не выдыхала.

Две недели она уговаривала себя.

Каждое утро – «сегодня пойду». Каждый вечер – «завтра». Страх был не перед Богом – его она не чувствовала. Страх был перед собой: а вдруг там, внутри, ничего нет? А вдруг пустота окажется пустотой – без дна, без краёв?

Максим молчал. Не спрашивал. Но в субботу утром, когда она в десятый раз сказала «надо бы сходить», он встал, надел пальто и сказал:

– Поехали.

– Куда?

– В храм. Ты же хочешь.

Она хотела возразить – *я не готова, ты не готов, это глупо* – но слова застряли в горле. Максим уже открывал дверь.

Храм Александра Невского встретил прохладой и запахом воска. Небольшой, приходской, без туристической суеты – только старушки с сумками, пара молодых людей у свечного ящика, монах в чёрной рясе у дверей алтаря.

Анна стояла у стены, сжимая в руке свечку. Сердце колотилось так, будто она на экзамене. Или на краю пропасти.

– Я пойду первым, – сказал Максим неожиданно твёрдо.

Она кивнула. Не веря.

Он подошёл к аналою у алтаря. Там стоял иеромонах – невысокий, стройный, в чёрной рясе. На голове – клобук, но из-под него выбивались волнистые пряди светлых волос. Он слушал Максима, опустив глаза. Потом поднял голову – и Анна увидела его лицо.

Голубые глаза. Не детские, не небесные – глубокие, как весенний лёд на озере: прозрачные, но холодные. Он что-то сказал Максиму – коротко, без улыбки. Тот кивнул, перекрестился и отошёл.

Теперь очередь была за ней.

Анна подошла. Опустила глаза. Руки дрожали.

– Говорите, – сказал батюшка.

Голос сильный, бархатный, с лёгкой хрипотцой – как будто пел всю ночь. Неожиданно для такого молчаливого человека.

Она открыла рот. И ничего не вышло. Потом – обрывки. Тесты. Выкидыш. Муж, который не понимает. Злость. Стыд. Одиночество.

Он слушал. Молчал. Иногда кивал – едва заметно. Смотрел сквозь неё – не осуждающе, а как будто видел то, чего она сама не видела.

Когда она замолчала, задохнувшись, он сказал всего три слова:

– Прости себя первой.

Прочитал над ней молитву и благословил.

Она ушла от аналая, не помня лица батюшки, не помня его слов. Помнила только облегчение – физическое, как после долгой болезни. Как будто сняли гипс с переломленной руки: больно, но можно дышать.

Причастие было на следующее утро.

Она стояла в очереди— тихо, без мыслей. Приняла Тело и Кровь. Вернулась на место. Сидела. Смотрела на иконы. Ничего не чувствовала. Ни трепета, ни слёз, ни озарения.

Но когда вышла из храма – солнце, редкое для апреля, пригрело лицо. И она впервые за три года не подумала: *зачем я это сделала?*

Просто пошла домой. Лёгкая.

Глава 4. Между

Пришла Елена – та самая, с кем сидели за партой в школе, а потом в институте, кто звонила раз в год и говорила: «Как жизнь?» – и не дослушивала ответ. Но в тот вечер она вошла с потёртым рюкзаком за плечом и сказала:

– Завтра еду в Дивеево. К источнику Серафима Саровского. Поедешь со мной?

Анна хотела отказаться. Устала. Не верила в святую воду. Но что-то в глазах Елены – не религиозный огонь, а просто живой интерес – зацепило.

– А что там делать-то?

– Купаться. Говорят, помогает.

– От чего?

Елена пожала плечами:

– От всего.

Автобус тронулся в десять вечера от Московского вокзала. «Икарус» с потёртыми сиденьями, запахом бензина. Анна сидела у окна, Елена – рядом, болтала не умолкая. За спиной – старушки с иконками, мужчина и пара молодых людей.

Кто-то включил магнитофон. Запел хор имени Сергия Радонежского. Кто-то рассказывал про канавку Серафима – как старец велел прокопать вокруг монастыря, чтобы Богородица ходила по ней и защищала сёстёр. Кто-то показывал на экране ноутбука (редкость в 2000-м!) фильм про мощи – бледные руки в облачении, толпы у раки.

Анна слушала рассеянно. Смотрела в окно на мелькающие огни. Петербург уходил назад, как ненужная оболочка. Она не молилась. Не ждала чуда. Просто ехала – куда глаза глядят.

Рассвет застал их на подъезде к Арзамасу. Небо – розовое, как внутренность раковины. Поля покрыты росой. Воздух за окном – свежий, с запахом прелой травы и чего-то нового, весеннего.

Источник встретил тишиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.